

Меня подтолкнул
1999 - Бабу - с.р.

Что делать с мужчиной по утрам, если мы больше любим вечером? В делах интимных нет ответов, но есть разные взгляды. Нашу страницу посетил один из самых скандальных писателей конца XX века и предоставил нам эксклюзивный текст из будущего четвертого издания книги "Мужчины".

УТРЕННЕЕ ЧУДО

ВИКТОР ЕРОФЕЕВ

Это — мальчик, который моется за занавеской. Это — бар, который работает допоздна. Это — последний поезд. Это — жесткий вагон. На борту вертолета надпись: "Смерти нет". Мужчина начинается с утренней эрекции.

Она приходит ниоткуда, по собственному велению, невзирая на лица. Приятно сознавать, что мои друзья и враги приведены ею к общему знаменателю, обезоружены в своих постелях. Сильнее всякой идеологии, она реактивна и интерконтинентальна, с ней просыпаются Папа Римский и разные думские фракции, голливудские звезды, нацисты, китайцы, старьевщики, дипломаты, бандиты, издатели моих книг, британские принцы, Международный Красный Крест.

Она — отрицание голый механики.

Это — нирвана со всеми признаками дерзости и богобоязни, возбуждения вне возбуждения.

Это — распредмеченный фантазм, когда я, по правде сказать, не объявлен ни субъектом, ни объектом, точнее, я предчувствую себя субъектом, превращающимся в объект.

Она оживляет меня. Я оживляю ее. Мы оживляемся.

На первый взгляд: она целиком состоит из патетики и экзальтации, из мишуры, из розовой поросытины, соловьиных клятв и братьев Карамазовых, короче, из обращающих на себя внимание достижений телесного духа, хотя на самом деле в ней нет ничего патетичного. Как всякое выдающееся явление, она скромна.

Она случайность и приключение.

Она — светлая скорбь освобождения от обязательств.

Из-за присущей ей очевидности она — закрытое силовое поле. В отличие от всех других форм жизненной имитации, в ее случае нельзя отрицать, что вещь там есть.

Она предает забвению два института: семью и любовь.

Я прозреваю в ней гамму эмоциональных оттенков (сущности, побуждающие к физическому, химическому, оптическому изучению, и сущности региональные, восходящие к эстетике, истории, социологии).

Жизнеутверждение утренней эрекции дорогого стоит.

Верность ей — лучший девиз для мужчины.

Время утренней эрекции — сугубо мужское

время — не дробится на части. Синоним цельности, она умножается на самое себя, размывая все мыслимые границы между реальным и идеальным, преодолевая платоновские конструкции. В этом смысле утренняя эрекция — состояние до- и посткультурное, к самой же культуре отношение не имеющее. Культура обходит ее стороной.

Вместе с тем культура в своей совокупности воздвигнута на утренней эрекции, является ее продолжением, дополнением, заветом, лучше сказать, комментарием.

Пушкин — утренняя эрекция в образе русского поэта.

Вермеер и Пикассо — ее двойники.

Гомер — ее присказка.

Данте — ее комедия.

Пруст — многоотомная память об утренней эрекции.

Шуберт — ее музыкальный аналог.

Кант — ее извержение.

Кафка — прерванная поллюция.

Утренняя эрекция — состояние чистой, ничем не замутненной витальности. Для любого, кто держит ее в руке, это проверка качества жизни.

Утренняя эрекция — перст Бога.

Именно в обстановке остановившейся интерпретации и заключается ее достоверность. Я до изнеможения констатирую: это было.

Она не имеет под собой никаких оснований. У нее нет прописки, она беспаспортна. Желание, не обусловленное конкретным желанием, она не хочет знать ничего, кроме себя. Она не может быть предметом описания, поскольку раскачивает меня между двух языков, повелительным и приблизительным.

Она расставляет всех по местам и соответствует моим ожиданиям. Она похожа на все что угодно, только не на то, что ей надлежало бы представлять, исходя из области гражданского права. Утренняя эрекция анархиста — консервативна, консерватора — анархична. Утренняя эрекция авангардиста — анахронична, монаха — маршалский жезл.

Собственно, утренная эрекция — это единственная вещь, которая делает мужчину загадкой природы.

Утилитарный подход к утренней эрекции со стороны некоторых женщин, отразившийся в анекдотах, кажется мне знаком женской неадекватности и напастной фетишизацией жизни.

Эффективное средство образумить утреннюю эрекцию — это сделать ее общезначимой и банальной, так, чтобы рядом с ней не оказалось никакого другого образа, по отношению к которому она могла бы утверждать свою скандальность, притягательность и безумие.

Мужчина начинается с утренней эрекции. В большинстве случаев он ею и заканчивается.